

Георгий Калинин Резюме на небеса, или Жизнеописание и поучительные истории Гоши Рябинина

Предисловие

В 2011 году я ушел на покой. Я проработал в УКРГИПРОМЕЗе¹ с небольшими перерывами чуть больше сорока лет. Последние лет пять чувствовал себя все хуже. Не вообще, а в процессе самой работы — постоянные командировочные разъезды по «горам и весям» стали изматывать. К этому времени у меня уже случилось два инфаркта. Короче — никто не гнал, работа была, но здоровья не было.

В те времена пенсионерам при увольнении была положена симпатичная сумма денег, которой хватило на приличный комп. Сын сам выбирал. Уговаривал взять ноутбук, но мне эта «папочка» казалась не серьезной покупкой. Любой мог

¹ Украинский государственный институт по проектированию металлургических заводов (здесь и далее примечания автора).

невзначай за пазухой утащить. Взяли персональный.

Признаюсь, приобретая этот агрегат, я уже тогда, как говорится, «на подкорке», предвкушал некое *творчество*.

Дело в том, что жизнь моя сложилась очень витиевато и не скучно. Весь этот багаж страстно просился вывалиться на бумагу. По работе я неплохо освоил Word и мечтал поскорее приступить к сочинительству, пардон, к повествованию, но... В начале не мог освоить формат Word на Windows-7 — этот для меня был более навороченный и сложнее в употреблении, чем старый на работе. А второе и главное — я никак не мог определиться с форматом своих воспоминаний. В каком виде лучше подать мои приключения.

Думаю, кое-кому, например — «провидению», надоело наблюдать за моими творческими схватками, и у меня, для начала, посыпался жесткий диск. Сын Андрей к этому времени плотно занимался компьютерами и смог достать за умеренную стоимость подержанный «винд», но постарше. Когда он настроил на нем Word, я моментально узнал систему и почти сразу вспомнил все тонкости работы.

Вторая проблема — с форматом изложения, решилась тоже сама по себе, вернее с подачи того же Андрея. Зная по отрывочным рассказам

различные эпизоды моей жизни, сорокачетырехлетнее чадо ненароком молвило: — «Батя, а почему бы тебе не создать что-то типа «Жизнеописания и поучительных историй».

ВОТ ОНО!!!

Это было второе Божье провидение и, значит, *ОНО* должно родиться.

Написалось как вспомнилось, но на бестселлер явно не тянет. Андрей прочитал первым и вынес вердикт — читаемо, но суховато. Диалогов нет. «Милый мой! Ты подумай *кто* читать-то будет и еще прикинь, в каких коллизиях мне приходилось пребывать! Так что все те изысканно-интеллектуальные диалоги я могу только морзянкой озвучить», — отвечал я мудро сыну.

Прошу всех сторонних читателей моих историй, не напрягаться слишком, критикуя их за всяческую недостаточность. Этот «блин» — первый.

Спешу так же предупредить гиперщепетильных читателей — все фамилии и клички намеренно исковерканы. Всякое совпадение — считать сугубо совпадением.

Приступая к работе над жизнеописанием своим, желаю всем, милым моему сердцу людям, упомянутым в данном повествовании, но ушедшим уже из жизни — ЦАРСТВИЯ НЕБЕСНОГО И

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ В ДЕТЯХ И ВНУКАХ!!!

Пролог

Вот уже четвертый день в городе обосновалась аномальная жара, не позволявшая мне чрезмерно ощущать себя в отпуске. Очередном, между прочим, и законном. Даже по TV показывали плюс сорок один градус по Цельсию, хотя обычно СМИ берегли спокойствие народа и привирали. Я был очень недоволен, я источался, я не находил себе места. Вчера из-за этой «катаклизмы» мы с Таткой сбежали из базы отдыха нашего института «Орель», пробыв там буквально два дня из десяти. В панельном домике выжить было не реально — сень дубняка, под которой, как говорится, живописно разбросались двух и четырехместные «бунгало», не спасала от обволакивающей температуры мартеновской печи, и эти «шале» превращались в скороварки, микроволновки или даже просто в крематорий. Только безвылазно сидеть в водах изюминки нашей базы — речке Орель тоже, к большому сожалению, являлось экстримом из-за глубинных ледяных родниковых потоков. Как пошло сейчас говорят — «лед и пламень» в одном флаконе. Пламенный суховей добавлял разочарования в жизни.

Вчера же, приехав на городскую квартиру и

посмотрев со страхом на жалкие потуги нашего оконного «кандюшника»², решили бежать на дачу.

Эта дача стоит, чтобы сказать о ней пару слов. Приобрели ее, опять же, по Божьему промыслу, т. к. любые случайности, я в этом давно убедился, не случайности вовсе, а *судьба*. По приезде из Нигерии в 1992 году, стали прорабатывать тему «прикупить дачку» и просмотрели за месяц с десятком предложений, но все варианты требовали личного транспорта, которого у меня отродясь не ездило. На автобусах и электричках только на заработки ездить, а не на балдеть от совокупления с природой.

Объявления тогда не клеили только на скоростных объектах, поэтому читать всю ту заполошную клинопись не стояли глаза. Однако, а это несомненно была *она* — судьба, глаз таки узрел необходимое нам по жизни предложение. В километре от нашего дома — через больничный двор, обосновалось садовое товарищество «Металлург» завода имени товарища Петровского. Когда-то, лет сорок назад, это были просто далекие песчаные кучугуры, сейчас же — максимум полчаса до центра. Пятнадцать минут пешего размеренного хода от дома до дачи!!! Сейчас, с возрастом, ковыляем с Таткой уже все тридцать

² Кондиционера.

минут...

Около шести соток земли, домик шесть на восемь с печкой и камином, сад взрослый и сараюшка. Дом почти готовый, ну процентов на семьдесят. Все со временем доделали и переделали. Очень помогли в этом Наташкины братья Коля и Юра. Воистину золотые руки. Уютно там. Чердак высокий — с расчетом потенциальной мансарды, поэтому прохлада внутри домика не исчезает. Дети, а потом и внуки только на шашлык приезжали, так что мы с женой блаженствовали, как говорят садоводы, «геквой бу» с весны ранней до осени поздней. Ну, честно сказать, в этой позе, в основном, только Наталья пребывала. Я только — если нахрапом «эге-гей»: что-то перекопать, пожечь, выкопать или пересадить, ну и чисто по хозяйскому глазу.

В тот день зной вступил в жизнь почти с восходом солнца. Суходей не объявлялся и это радовало, отчасти. После обеда природа вообще упала в обморок — все замерло. Чувствовались томление и дискомфорт в организме, что подсказывало мне, как профессиональному гипертонику — резкое изменение атмосферного давления. То есть, шла классическая прелюдия штатной грозы.

Из-за рослых деревьев вокруг, горизонт не просматривался. Ни тучек, ни облаков видно в

обозримой близости не было. И вот, как говорят в Одессе, таки ЧУ!!! — легкий ветерок принес аромат дождика и слабую свежесть. Листки на растениях воспрянули и возбужденно зашептались, как девки, прибежав на речку.

Ветерок набирал скорость что резвый жеребец за кобылкой. Через пять минут это был уже добротный ураган. Мы с Таткой зашли от греха в домик и глазели в окно как тридцатиметровый орех в десяти метрах от дома выполнял гимнастический этюд, клонясь земле в пояс. Было реально страшно. Небо стремительно чернело и первый раскат грома порвал небо просто над нами. Вселенский треск и грохот сопровождался ослепительной молнией.

Телефон услышала Наташа. Я оставил его в беседке и вот кто-то забеспокоился, скорей всего Анюта — узнать как мы тут с грозой миримся.

Я так подумал и бегом, капли с кулак только начали шлепать, кинулся за трубкой. Схватив телефон, я глянул на дисплей — да, доця, и побежал под навес крыльца. И уже тут, укрывшись от начавшегося дождя, нажал зеленую кнопку...

Глава 1. Шкет

* * *

Калитка хлопнула! Паника! Мама, мамочка с работы идет! Куда? Скорей! Куда? В большую комнату! Под стол посреди комнаты, под бахрому скатерти!!! Погрозив пальцем бабушке Марине, что бы помалкивала, я нырнул под стол.

— «А где же мой Горик? Где же мой сыночек? Мама, (это она к бабушке) ты не видела Горика? Я за ним так соскучилась, а он меня не встретил. А я ему гостинец принесла. Где же он делся? Пойду, наверное, отдам гостинец Вовке Рыжкову...»

Ну нет, только не Вовке. Вовка — сосед со второго этажа. Он дразнится и задирается вечно. Он старше на год и задается... Он — враг!

А мама повернулась и вправду пошла на двор... Да как же..., да я же нарочно спрятался! Я выскочил из-под стола — мамаааа! Мне было очень сильно обидно на маму и досадно на себя. Мама тоже шутила, но я тогда еще не улавливал чужих шуток. Почему-то, я этот случай запомнил. Нельзя пересидивать под столом лишку (и вообще перебарщивать с шутками), иначе можешь остаться в дураках. Мне тогда было, думаю, чуть больше двух.

Я стою у калитки нашего дома на улице Шмидта. На нашей улице три одинаковых двухэтажных дома. Самые первые кооперативные дома. Их построили перед войной. В двух из них по четыре хозяина и, соответственно, четыре квартиры, а в одном, по соседству с нашим, один хозяин всего дома, дедушка Петя — он кузнец. В трех квартирах живут он с бабушкой Марьей Ивановной и все его немаленькое семейство (дочери с семьями), а в одной квартиранты. В моем доме было тоже четыре квартиры, и в нашей был хозяином мой дедушка Яша, но я его не запомнил — он умер не так давно и остались здесь жить: бабушка Марина, моя мама Шура, тетя Тоня и двоюродная сестра Ира. У меня был еще дядя Жора. Командир экипажа тяжелого бомбардировщика, погибший в первые дни войны. Вот в честь него меня и нарекли таким мужественным именем. Я родился в марте 1945 года. Мой отец не вернулся с фронта, но так как они с мамой не были расписаны, я ношу дедушкину фамилию.

Мне здесь около трех или чуть больше. Со двора не разрешает выходить бабушка. Мама работает в канцелярии тюрьмы, это не далеко — на улице Чичерина. Она как-то брала меня с собой на

работу. В кабинете было не интересно: бумаги, счета, дядька в очках, еще одна очкастая тетка и графин. Зато во дворе была кочегарка и я видел в открытые ворота как гудели печи огнем и чумазый кочегар подмигнул мне и свистнул в два пальца. Наверно хотел повеселить, но было жутковато.

Я так стоял у ворот, потому что не с кем было играть. Вовка не выходил, и я потихоньку, чтобы не волновать бабушку, вышел на улицу. Напротив была больница «Санстанция» и иногда туда заезжали кареты скорой помощи. Изредка проезжали старые дребезжащие грузовые машины, а, в основном, по мощенной булыжником дороге тархтели бочки «золоторей». Сразу за больницей был «Санобоз» и говновозы на конской тяге разъезжали туда-сюда весь день, наполняя улицу грохотом обитых железом колес и амбре.

Мне стало скучно, и я хотел уже зайти во двор, когда из-за поворота зацокали копыта и показалась пролетка об одной лошадке. В пролетке сидели кучер и какая-то тетя... И вовсе не КАКАЯ-ТО ТЕТЯ, А МОЯ МАМА!!! Я затаил дыхание... МАМА, МАМОЧКА... Тарантас поравнялся с нашим домом и мама помахала мне рукой... МАМА НЕ ПОЗВАЛА И ДАЖЕ ПРОСТО НЕ ОСТАНОВИЛА ЛОШАДЬ!!! Она мне только помахала рукой и уехала...

Я не только запомнил этот ужас на всю жизнь,

но даже сейчас, с разумом шестидесятипятилетнего, у меня что-то защемило в груди от ТОЙ обиды. Да, мама просто ехала по служебным делам, да, не было никакой возможности задержаться и прочая, как говорится, и прочая...

Тогда это была первая и наиболее сильная обида в жизни, но сейчас, благодаря моему новому присутствию, обида, как бы, растаяла с пониманием ситуации.

СТОП.

В мозгах, можно сказать, хлопнули створки и образовалась интересная *мысль*: а что это за фильма, в которой я переживаю как наяву свои воспоминания? Почему я не ощущаю своего тела и вокруг, как бы, вакуум? Со мной что-то случилось? Стоит, пожалуй, вникнуть...

Итак, я был с Таткой на даче, когда началась гроза. Я взял в руки трубку мобильного телефона, так как прозвучал звонок. Я нажал на кнопку соединения и... и что? И сразу же материализовался в прошлом. В своем прошлом. А материализовался так, что заново стал переживать (или проживать) собственную жизнь. С эмоциями, тактильными ощущениями и обонянием.

Вопрос — а ПОЧЕМУ? Ну нажал кнопку и нажал. Ничего, как говорится, военного. В

инструкции на эксплуатацию телефона это узаконено, но именно вследствие этого нажатия, похоже, и случилось что-то неординарное.

Я к этому времени прочитал не мало книг в жанре альтернативных историй, «попаданцев» во времени, порталов в отечественную войну, акунинских отроков и прочее. Похоже, что я оказался сейчас в аналогичной ситуации.

И тут мозг как током ударило (удачная тавтология) — *а не долбанула ли меня молния при соединении в мобильном телефоне!!!* То есть, меня просто пошло убило??? Вернее, убил электрический разряд.

И чо?... не радостно как-то подумалось, надо полагать, что моя материализация в прошлое, не что иное как *«вся его жизнь пронеслась в затухающем мозгу»*??? Вот! — моя врожденная смышленность дала плод...

Но раз я еще не на небесах, значит какие-то биологические процессы в организме продолжают. Во всяком случае, мозг мой еще не потух окончательно, следовательно, я пока более жив чем мертв.

Декарт изрек когда-то — «*Cosito, ergo sum*» — «Мыслю, следовательно существую», а «*Dum spiro — spero*», тоже знаменитая максима — «Пока дышу — надеюсь», уже не про меня, так как я уже тю-тю. По ту сторону не дышат ни разу...

Опять же, логически всплывает следующий, не менее оригинальный вопрос, — *а почему это так?*

А потому, незабвенный ты муж, отец, дед, брат и дядя в придачу, что Боженька посылает неразумным детям своим такой шанс как *клиническая* смерть! То есть, пограничное состояние, из которого — либо Бог даст и тебя вытащат, либо Он ничего не даст и через пяток минут, если врачи не врут о сроке пребывания на этом свете в режиме «ожидания» — спи спокойно!

Наталья при всем желании не сможет уложиться в пять минут с вызовом и ожиданием скорой помощи, так как телефон был один и, скорей всего, погиб, а соседей я что-то не видел в этот день...

Еще пришла на голову изящная такая версия — а что если это, то есть — *«вся жизнь прошла перед глазами...»*, не что иное, как своеобразная хронологическая констатация фактов или, как сейчас выражаются, «резюме»? Вполне справедливая формулировка...

Вспомнился роман Стивена Кинга «11/22/63» о попытках американца, нашего современника, получившего возможность проникать в прошлое, спасти в Далласе в 1963 году Джона Кеннеди. Ему это удалось с третьей попытки, но история отомстила — страна США в романе превратилась в

жалкую криминальную нищенку. В связи с этой историей, а так же с хрестоматийным «эффектом бабочки» из «И грянул гром» Рэя Бредбери — исправлять что-либо в своей судьбе категорически нельзя. Тем более приукрашивать. «Ибо нет ничего сокровенного, что не было бы узвано и тайного, что не стало бы явью» — от Матфея, гл. 10.

Что еще вспомнилось из Кинга — его герой пропадал в прошлом годами, тогда как в настоящем времени проходило только две минуты. Может и мне удастся за пять минут достичь, «листая жизнь свою», данного летального случая и успеть НЕ нажать на проклятую кнопку.

ИТАК, ЗАПУСКАЕМ ФИЛЬМУ ДАЛЬШЕ!

* * *

В тот же год мама отвела меня записывать в садик. Садик находился через четыре дома вниз по улице. Почему «вниз по улице»? Надо сказать, что улица Шмидта расположилась на одном из трех холмов города — от проспекта Карла Маркса до соединения с улицей Кооперативной (сейчас Савченко) и была, естественно, под хорошим уклоном. Мы, детвора, этим обстоятельством с великой радостью пользовались зимой, когда по утрамбованному машинами снегу на дороге, со свистом и гиканьем мчались вниз по улице — кто

на санках, а большинство на самодельных тарантасах — человек по шесть в «обойме».

Изготовление тарантасов заслуживает обстоятельного повествования. Недалеко, на улице Флотской, был завод каких-то металлических изделий «Красный металлист». Перед его воротами на улице многотонной грудой лежали арматурные прутки, длиной метров до пятнадцати. У ворот, как водится, находилась проходная со сторожем. Это географическая справка.

Теперь технология. В поздний зимний вечер, группа, человек, как минимум, из трех, подкрадывалась к краю упомянутой груды противоположной сторожке, и тянула один прут. Необходимое, для понимания невероятной сложности этого мероприятия, пояснение — прутки всегда бывали смерзшимися и закамуфлированными под сугроб. Пруток обязательно должен был быть гладким, так как лежали они вперемешку с рифлеными.

Для удачного вылова выбирался самый верхний, по идее не зажатый прут. Но, зачастую, случались зажимы — конец, вроде бы и сверху, а где-то в середине прут оказывался ушедшим в глубину. Так, чтобы найти свободный прутик и достать его, уходило иногда до часа. Процесс сопровождался, естественно, лязгом, пыхтеньем, задавленной руганью и, в итоге, ... появлением

сторожа.

Через время процесс возобновлялся. Выстраданный пружик, в диаметре до двадцати миллиметров, подвергался загибке на телеграфных, вернее, электрических столбах. Деревянные столбы тогда (да и сейчас встречаются), крепились на вкопанных металлических профилях или даже рельсах. На них вверху обязательно были крупные дырки. Вот в них-то, в эти отверстия, мы и протягивали пружки и всей бандой загибали. Вначале пополам, затем концы. Как сказано — помещалось на таком детище пацанского гения до пяти-шести человек. Благо машин тогда по вечерам было на пальцах сосчитать. Хотя прецеденты все же бывали — кое-кто залетал на санках под благоразумно затормозившую машину или при виде оной, все дружно переворачивались в сугроб.

Итак, мамочка повела оформлять меня в младшую группу. Сама пошла в здание к директору, а меня оставила во дворе при какой-то воспитательнице с играющими детишками. Я так быстро освоился, что кода мама вышла и стала забирать меня домой, закатил истерику. Я оказался весьма коллективным человеком и по жизни старался быть всегда в гуще адекватных мне людей.

Воспитательница успокоила маму и отправила домой одну. Я остался неоформленным, то есть, незаконно счастливым в своей группе.

Воспитательницу звали Лидия Михайловна. Почти все детки из этой группы попали потом в один класс. Мы дружим и встречаемся до сих пор. Некоторых уже нет.

* * *

Сидим в туалетной комнате на горшках, нам по три года, вот: Анечка Познер, Ирочка Бондарева, Шурик Голованов, Петя Шаповал, Ленчик Шикин, Лиля Чистова — это те, кого я хорошо помню и дружен по сей день. Нам весело. Благословенно время, когда даже на горшках было весело. Вспоминается нянечка — Нина Семеновна, с большими теплыми всегда руками.

Раз в неделю нам на обед давали рыбий жир с соленым огурцом или, очень редко, но даже хлеб с икрой — красной или паюсной. Из-за скудного послевоенного рациона у многих деток и у меня, в частности, развивался рахит³.

Красная икра нам нравилась, а черную мы

³ Рахит — заболевание детей грудного и раннего возраста с расстройством костеобразования и недостаточностью минерализации костей, ведущим патогенетическим звеном которого является дефицит витамина D и его активных метаболитов в период наиболее интенсивного роста организма.

называли цыганкой и плевались. Рыбий жир вообще только с зажатым носом принимали как лекарство. Помню, когда болел, то бабушка ходила под вечер в садик и приносила домой весь мой дневной пищевой ресурс в судках — супы или борщи, каши, котлетки, компоты или кисели. Сиротам, безотцовщине типа меня, выдавали на сезон новую обувь. Воспитатели и нянечки наши по душевности были просто родными людьми. Когда уже своих детей и внуков водил в различные садики, то невольно сравнивал и с тоской вспоминал наш милый «персонал».

Подготовка к утренникам, сами утренники, занятия по рисованию, лепка из глины, групповые чтения, игры во дворе. Сказку про Буратино впервые я услышал от Лидии Михайловны и она стала моей настольной книгой (мамочка постоянно читала) вплоть до «Тома Сойера».

Из всей этой счастливой поры подробности удалились во тьму извилин, но солнечные отблески щемящего позитива детства остались на всю жизнь.

Помню, что был постоянным генератором всех шкод и экстремальных проказ. На Шмидта у нас образовалась компашка из моих ровесников и соседей, они же садиковские однокашники — Ленчика Шикина, Шурки Голованова, Петьки Шаповала и меня, неугомонного Буратино. Петька и Ленчик жили в таких же домах как и я, а Шурик

тоже рядом с моим домом, но в четырехэтажном — «учительском». Его папа был учителем.

В связи с Шуркиным домом отложилась в памяти история. Как-то его мама, по поводу, кажется Нового Года, устроила для нас четверых чаепитие. Я запомнил этаж и квартиру и по прошествии, наверное, полугода, решил навестить друга. С тайной надеждой снова попасть на сладкий стол. Хорошо запомнил, как шел по улице и поднимался на четвертый этаж с маленькой табуреткой на голове... Зачем? — а что бы достать до кнопки звонка у дверей. Потом Шурика мама, увидев такое обстоятельное мое пришествие, тихо выпала в осадок от смеха и изрекла: — «Чтоб ты был здоров, байстрюк⁴, ты от глупости не умрешь».

Как же она ошибалась. Я совершил в жизни несметное (так говорят о богатствах) количество глупых поступков. До сей поры, правда, не смертельных.

Вне садика мы лазали по заборам, проникали на соседские огороды, грызли все, что попадалось съестного: лук, морковку, зеленые фрукты..., если кто-то выносил из дома кусок чего-нибудь съестного — становились в очередь куснуть.

⁴ Внебрачный ребёнок — сын или дочь родителей, не состоявших в законном браке на момент рождения этого ребёнка.

Играли во всевозможные: прятки, салки, в стаканчики и под-стеночку пятаками, ножички, самопалы, карбидные мины, ляндрочки, рогатки... — это был мой тренинг и жизненная адаптация. У Леньки есть старший брат Толик, буквально на несколько лет постарше нас, но казавшийся мне тогда стариком из-за своей правильности и строгости. Он изредка раздавал нам с Ленькой подзатыльники для нашего движения в правильном направлении.

В сумерках уже, нас чумазых и голодных (за целый день маковой росинки...) загоняли, чуть ли не лозинами, по домам.

— Шурка, завтра выйдешь?

— Не знаю, папка ругается...

— А ты Ленька?

— Если я раньше выйду я тебя позову, а если ты — меня.

Однажды, нам тогда было лет по пять, мы играли на «развалке» — разрушенный бомбой в войну корпус во дворе больницы. Кто-то из нас обнаружил в самом низу, в подвале в замаскированной нише кирпичной кладки, тайник — тряпичный сверток, половину бутылки водки и бутылку пива. В свертке мы обнаружили пачку ассигнаций и настоящий финский нож с красивой цветной ручкой. Мы тогда впервые попробовали пиво. Нам не понравилось. Водку даже трогать не

стали, деньги оставили, а финку забрал Петька, сказал, что спрячет. Будущий врач, он уже тогда думал о здоровье людей. Время на дворе стояло бандитское. Естественно, мы догадались чей это мог быть схорон и больше на эту «развалку» не ходили, от греха...

Так пролетало наше детство. На улице по соседству были и другие дети — кто старше, кто младше. Играли вместе в футбол, собирались где-нибудь на задворках и рассказывали страшные истории и детские анекдоты. С посторонними, случалось, дрались и отвоевывали свой кусок улицы. Помню, побитый как-то, пожаловался маме, на что получил жесткую отповедь — «Никогда не смей НИКОМУ жаловаться! Не хватает силенок дать сдачи, работай головой (договаривайся) или ногами (убегай), но никогда не унижайся!»

Вспомнилось, что в нашей компании никогда не было никакой агрессии и драк, Петька и Шурка могли, ни с того ни с сего, перестать разговаривать с нами, обходить нас с Ленькой стороной... В итоге оказывалось, что я или Ленька чем-то то ли не поделились, то ли что-то сказали обидное.

Иногда летом дядя Коля — Петькин папа водил нас всех на Днепр. Там и тогда я научился плавать. Просто, перебираясь гурьбой через очередную протоку на «Зеленом острове», где мне было «с головкой», а остальным по ноздри, не

хотел отставать и проситься.

Накрыло

В ту безмятежную пору — мне было чуть больше шести, я научился и страстно полюбил читать. Дело было так. Я заболел корью и лежал изолированный в своей спальне под красным фонарем, т. к. могло быть осложнение глаз. Про саму болезнь я только и помню — маленькую свою комнатку, заполненную красным светом днем и ночью, а также чувство убийственной несвободы и начинающейся клаустрофобии. Она, клаустрофобия, развивалась из года в год, так что, со временем, я в самолетах и поездах стал задыхаться. Без глотка крепкого допинга.

Целый день болел и ждал маму. По вечерам, после работы мама заходила ко мне с каким-нибудь гостинцем «от зайчика» и читала разные книжки-сказки. В тот раз она стала читать мне «Приключения Тома Сойера». Как сейчас помню первые строки:

«Том! — Нет ответа».

«Том! — Нет ответа»

— «Мама, а с чего начинается?» Странное начало. Никакого вступления.

— «Начинается с драки». — Был мамин ответ.

— «Да нет, как написано? Ну там — жили

были...»

— «Нет, Горик, нет здесь «жили-были», это не сказка, а во взрослых книгах пишут по-всякому, привыкай».

Прочитав одну главу, мама выключила лампу, обернутую красной тряпкой, поцеловала меня и день закончился. Я очень запомнил начало этой книги и вообще эта история стала для меня порталом в параллельный мир чудес — литературу.

Выздоровев, я взял в оборот бабушку и заставил показывать мне буквы. Через какое-то время я их уже резво складывал и вскоре сумел прочесть ту первую главу, что мы с мамой давно уже одолели.

И как же я был удивлен, когда увидел в книге название главы: «Начинается с драки» — это точно ответ на мой вопрос к маме — «А с чего начинается?» и далее тоже: — «Том! — Нет ответа...»

Именно так и написано... И я, заново переживая сюжет, забыв обо всем на свете, читал, читал... и читаю до сих пор.

Возле моей кровати была маленькая настольная лампа — «Грибок», когда мне выключали верхний свет, что бы я засыпал, я затаскивал «грибок» под одеяло и, задыхаясь от нагретого воздуха, оставив только малюсенькую щелку, часами дочитывал что-то захватывающее.

Библиотека у нас была приличная. После тюрьмы мама стала работать в «Кинопрокате» — такая контора была при отделе культуры облисполкома, которая распределяла по кинотеатрам, присылаемые из центра фильмы. Заграничные фильмы здесь проверяли на лояльность и идеологию. Последняя функция, как раз, и возлежала на маме.

На мой день рождения нам привозили кинопередвижку, и вся уличная мелкота сбегалась ко мне смотреть мультики.

Маму знали и уважали директора всех городских кинотеатров и я, маленький прохиндей, пользовался этим обстоятельством без всякого зазрения совести. Прямо с улицы, в чем играли — в трусах и майках, если летом, брал друзей и вел их в какой-нибудь из центральных кинотеатров. Если бывал аншлаг, нам ставили приставные стулья.

Неподалеку от конторы «Кинопроката» был магазин «Иностранная литература», где работала мамина подруга. Очень много дефицитных книг и собраний, маме по дружбе помогла приобрести та подружка. Книги тогда стоили копейки в буквальном смысле этого слова. Хотя и копейки очень даже приходилось считать, так как зарплаты у «совслужащих» были мизерные...

Школяр

В 1952-ом году нашу группу из садика распустили в школы. В разные школы. Девочки все пошли в 82-ю — женскую на Философской, мальчишки кто куда: мы с Петькой и Шуркой попали в 12-ю на проспекте Пушкина, а Ленька во 2-ю на Кооперативной.

Школа оказалась «обухом по голове», который оглушил меня на долгие годы. Меня! — человека — Воздух, Ветер, Шкода, Смех и Шило в ж... — заставляли *СМИРНО* сидеть сорок пять минут, *ВНИМАТЕЛЬНО* слушать учителя, *ЗАПОМИНАТЬ* всякую абракадабру, *УЧИТЬ НА ПАМЯТЬ* всякие глупости!!! — просто истребление райских кущей.

Помню столовую в подвале школы, до спазм в желудке запахи умопомрачительные и пирожки жаренные горячие с повидлом — м-м-м... по пять копеек — тоже хорошо помню.

На дворе март 1953 года. Идет торжественное собрание в актовом зале по случаю смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. После раздирающе-траурных выступлений мы просто стоим и минут десять плачем. Не навзрыд, но всхлипы и подвывания были весьма отчетливые. Тогда я впервые почувствовал стадное чувство.

То был психоз утраты. А есть психоз страха

— паника, психоз дикой радости на пустом месте — эйфория и прочие. Это очень страшное состояние — стадность. Меня абсолютно никакие чувства и отношения, кроме знания — это, типа БОГ, не связывали с Иосифом Виссарионовичем, однако, и я, почему-то, стал рюмзать вполне искренне.

Затем, помнится, последовали разборки, называемые в те времена «оргвыводами» — завуч отчитывала при всем классе нескольких ребят, которые не добросовестно плакали или что-то подобное по этому поводу. Оказывается — десять минут за нами внимательно наблюдали. Вот так. Стадность была в СССР главной движущей силой к светлому будущему. Понятно, что всю это коммунистическую идеологию я всосал с молоком матери-коммунистки и воспитывался в семье (и тетя и кузина) коммунисток, а посему никогда не вдумывался, не анализировал и, не дай Бог! — не критиковал существующее положение вещей. Сидел, как и все вокруг, на чем пристало ровно.

Бабушка Марина не была коммунисткой, больше того, она была верующей. Тихонько от своих дочерей, она по большим светлым праздникам ходила в церковь. Совсем малышом я запомнил праздник «Вербное Воскресенье». Солнечный день. Бабушка ведет меня в церковь на Рабочей. Во дворе церкви много народа и много

цветов. Разливается в небесах волшебный перезвон. Все смеются и хлещут друг дружку ивовыми прутиками с «котятками» — вербохлест.

Подозреваю, что бабушка и окрестила меня тихонько от наших коммунисток. Она умерла в 1953 году на мой день рождения — 24 марта. Знаю точно, что всю мою жизнь она, каким-то образом, хранит меня от больших бед и когда мне бывает особенно плохо — знаю, что беда пройдет, как проходили ссадины и порезы после бабушкиных ласковых слов и рук. Она была по происхождению из казачьего рода. После елизаветинских казачьих репрессий, храброе и независимое сословие рассыпалось по стране. Так в Полтаве оказалась и бабушкина семья Матюшенко. Здесь же образовалась в последствии и наша семья Рябининых из-за судьбоносной встречи бабушки Марины и дедушки Яши. Дедушкина родня оказалась в Полтаве среди прочих других крепостных выводцев из Курской губернии после столыпинской реформы.

В 12-той школе я проучился два года. Никаких ярких событий здесь не случилось, кроме, разве что, нашего с Шуркой Головановым пришествия на Малую Сталинскую железную дорогу в парке Чкалова. Там было жутко интересно вначале. Маленький паровозик, игрушечные вагончики. Работа проводником, затем кочегаром,

маневры с петардами, выезды коллективные на пикники и прочее. Но в скором времени паровоз заменили на тепловоз, вагончики с деревянных — на цельнометаллические и это перестало для меня быть игрой. Мне там стало не интересно.

В классе я, естественно, читал уже изрядно, считать научился быстро, но такие предметы как каллиграфия и письмо (все, что связано с усидчивостью) мне долго мешали жить. Каждый вечер мамочка билась со мной как раненая птица в сетях. Но таки мы это сделали!!! У меня выработался красивый почерк (который позже пришелся кстати в чертежных работах), а много читая, и писать стал относительно грамотно. Сейчас об этом вспоминается с иронией — перо 11-й номер, наклон букв, высота, нажим...

Рядом с нашей школой, на улице Рабочей был и, по-моему, до сих пор существует, стадион «Локомотив». Мы, выбегая на переменах, видели, как поле заливали водой и, дождавшись открытия катка, стали вечерами приходить сюда со своими коньками. От наших домов на Шмидта до стадиона далековато выходило, что-то около получаса ходьбы, а надо было еще очередь в раздевалку отстоять, тоже минут двадцать, так что на катание, сообразуясь с маминым — «не позже десяти вечера дома быть», оставалось совсем ерунда. Мы стали переобуваться в коньки под трибунами, а

чемоданчики с обувкой запихивали снизу под конструкции.

В тот вечер я пришел на стадион один — никого из корешей не отпустили. Как обычно, переобувшись и запрятав чемоданчик с ботинками, я, свободный как ветер, понесся на лед. Около часа катания и выкрутасов на льду, еле волоча ноги, поплелся под трибуны. Облазив все балки и всю землю под трибуной, я понял, что я *ОЛУХ* (откуда, скорей всего, потом и «ЛОХ» повелся) *ЦАРЯ НЕБЕСНОГО*, как частенько я от родственниц слышал. Попятили мое богатство, мои единственные ботиночки с калошиками...

Зимы тогда были настоящими. Морозы — от минус 15 и ниже. И побрел я, на выгибающихся в разные стороны ногах, стараясь попадать в неубранные вдоль дороги сугробы, опаздывая домой, даже не представляя на какую меру наказаний...

Глава 2. Халамидник

Первого сентября 1954 года женская школа № 82 стала смешанной. Нас всех, живущих в данном околотке, перевели сюда. Все мои друзья «садиковские» оказались в одном классе. Сюда, в эту школу на Философской, от дома можно было

бегом минуты за три домчать, однако, от школы до дома, как показала жизнь, часами добираться.

Классным руководителем была незабвенная Ева Яковлевна. Душевная старушка (ей в то время было не больше пятидесяти), она часто называла нас «девочки», но быстро поправлялась на «деточки». Проклятое женское прошлое...

Так как бабушки Марины не стало, то дома меня никто не ждал. Все работали и в квартире обитали днем только Сережка, мой двухгодовалый племянник и, присматривающая за ним, домработница — девушка из пригорода. По идее, присмотр за мной или хотя бы кормежка, ей также вменялся в обязанности, но девица явно не страдала чрезмерной ответственностью и мой голодный организм не отравлял ее совесть. Я привык питаться, как говорится, святым духом, поэтому забота о желудке была на предпоследнем месте. На последнем — уроки.

Девица эта подневольная никогда не закладывала меня домашней общественности и я забегал домой только что бы забросить портфель, схватить кусок хлеба и... поминай как звали. До прихода взрослых, а воспитывали меня все кроме Виктора — мужа кузины и отца Сережки. Душевный человек был, но рано ушел. Страдал астмой и работал в горячем прокатном цеху на заводе Карла Либкнехта.

Потом, году в 1955-ом, к нам переехали из Донецкой области бабушкина сестра родная — тетя Феня (Феодосия) с мужем дядей Ваней. Он был столяр и плотник и сходу стал чинить и строить что-то в нашем хозяйстве. Они стали жить в моей комнатке, а я перешел к маме в спальню. Спал на сундучке, как раз по моему росту.

Надзор и контроль со стороны покойной тети Фени был пристальный, но не профессиональный. Я теперь после школы вовсе домой не появлялся, забрасывал портфель в сарай или в форточку, а с едой вообще не заморачивался. Вечером, вместе с нотациями и стенаниями мамы, уминал что давали.

В школе бузил и хохмил, выводил учителей из себя, но только из сострадания к моей мамочке, меня тянули и закрывали глаза на мои коленца.

Честно признаться, этот период в моей судьбе был настолько непутевым и бесполезным в плане закладки, так называемого, правильного жизненного фундамента, что не только описывать, но просто вспоминать его подробности, желания нет...

Один пацанский эпизод, все же, я обязан привести в этих «мемуарах» — так сказать, повиниться перед Ленькой Шикиным. Шли мы, как обычно, с уроков вместе домой. В этот день состоялась контрольная по какому-то предмету и я, по обычаю своему каверзному — улизнуть,

загримировал правую руку под страшную травму, то есть, наложил диктовую шину, перебинтовал ее и, соображая о элементарной проверке, измазал внутри повязки жирно губной маминой помадой. Таки да! Учительница заставила меня разбинтовывать сооружение и, когда увидела на бинтах «кровь» — закатила глаза, изображая обморок. Контрольную я «выиграл»! Так вот и шел с Ленчиком и с «травмированной» рукой, пока не встретили группу ребятшек с Кооперативной, славившуюся бандитскими наклонностями и возглавляемыми неким Боцманом. Они поджидали. Меня сразу отодвинули в сторонку, а Леньку окружили. Так и сказали: «Горик, не суйся, мы к тебе претензий не имеем, а вот Шикин нам ответит...» За что ответит, я до сих пор не понимаю. Да, он был успешен во всем, жил с папой и мамой зажиточно, но никому никогда не делал подлостей. Его изрядно отмутузили, а я даже не посмел дернуться, считая, что имею как раненый, право на это. Видимо и Ленька так тогда посчитал и, потому не обиделся на меня.

Я забыл про свою «травму» и не привел в порядок руку к маминому приходу, а мама, когда капитально обследовала ее, высказалась не по поводу контрольной, а по поводу моего трусливого поведения при Ленькиной расправе — «Мне стыдно, что у меня такой малодушный сын. Я бы

этой «загипсованной» рукой смогла не одному паразиту навалить...». Как гвоздь в башку вбила. В последствии по жизни я, как отчаянный заяц, никому спуску не давал.

Обычно, отсидев уроки и, сговорившись с такими же халамидниками⁵, гонял в футбол на «поляне» за Учительским домом или зимой шел к кому-то из них в гости резаться в «дурака», пока родителей не было дома. С соседскими дружками — Ленькой-Петькой-Шуркой ежедневные игры прекратились. Контроль домашний у них был не чета моему — папы работали, а мамы воспитывали. Собирались дурачиться на выходных.

Мамочка моя бедная вечерами мучила меня и мучилась сама, с неизбывным — «Горе ты мое, Горе луковое», наставляя на стезю праведную и проверяя несделанные уроки. Уроки делались через пень-колоду. Выручали меня всегда природные смекалка и «соображаловка». Если литература и письмо (кроме украинских) были на высоте, математика и физика на «хорошо», то химия и английский убивали и меня и учителей. Остальные предметы — не шатко не валко, на троечки. Естественно, у физкультурницы нашей, я был лучшим. Ленька и я ходили у нее в любимчиках. Там где мне было неинтересно — никакие

⁵ Халамидник — ближайший родственник босяка (одес.)

зубрежки не помогали, но если что-то захватывало, то я был первый. Мой мозг просто отторгал все скучное и, поэтому, непонятное. Вернее, наоборот. Далеко не все учителя могли зажечь интерес к своему предмету.

В классе было много приятных мне людей, которые и ко мне относились с приязнью. Это, во-первых, все детсадовские мои приятели — Анечка, Ирина, Ленька, Шурик и Петька, а еще, вновь образовавшиеся друзья: Леночка Кормилина, Галка Доренко (тайная моя симпатия, но «западавшая» на Леньку), да, впрочем, врагов, как таковых, я не припомню.

В этот отроческий период я много занимался разными видами спорта. Сам ходил и записывался в секции. Так, с полгода побыл футболистом, затем год почти борцом, сманивали меня очень, из-за коренастого сложения и невысокого роста, на штангу. Но этого у них не вышло — скучно мне было быть тупым домкратом. Занимался долго легкой атлетикой и имел неплохие результаты.

Благодаря маминой возможности — через отдел культуры облисполкома получать путевки в пионерские лагеря, я с первого класса каждое лето пропадал в различных здравницах. В старших классах даже побывал в горах: на Кавказе и на крымской яйле.

До школы я частенько проводил летом целые

недели у бабушкиной сестры — бабушки Вари. Ее муж дядя Яша был комендантом общежития «Партшколы» во дворе кинотеатра «Октябрь» на Октябрьской же площади. Они и жили при общежитии этом в одной, но большой комнате с дочерью Галей. С ним я часто гулял в безымянном парке напротив «Октября» где вокруг заброшенного храма (ныне восстановленный Преображенский собор) стояли каменные истуканы женской стати, как он их называл — «каменные бабы». Когда подходили к ним, он, держа меня на руках, говорил — «А ну, Горька, пни вот эту по сиськам, а эту по жопе, ишь — оттопырила».

В последние по возрасту года три, я обитал в Любимовке, лагере з-да К. Либкнехта. Там уже образовалась постоянная компания. Случился там забавный знаковый случай. Меня и еще двух дружков, вожатые Боря и Олег (заводские ребята лет по двадцать пять), как своих в доску, бедовых ординарцев, отправили в «Сельпо» Любимовки за спиртным. На обратном пути, перепрыгивая через овражек, я не допрыгнул до края и грохнул по нему чемоданчиком с двумя бутылками вина и бутылкой водки. Уцелела одна бутылка вина. Остальное смешалось в очень позитивный коктейль. Ну не донести никак, а вылить уже тогда, на молекулярном уровне, было физически невыносимо — приложились прямо из чемодана каждый по

паре-тройке глотков. Было вкусно. Доши. Пионервожатые, увидев гонцов, бегом вытащили нас куда-то из лагеря на полянку и уложили в теньке. Меня вывернуло там же и я маленько воскрес. Остальные блевали в палате, так как надо было в тихий час присутствовать на койко-месте. Как-то все обошлось.

Полагаю, это был, освоенный в четырнадцать лет, «портал в судьбу»...

«Приколистом» и лоботрясом я пребывал все школьные годы. Неусидчивость, чисто патологическая, которую недоброжелатели называли ленью, довела меня в итоге до второго года в шестом классе.

Итогом моей школьной эпопеи стал скандал местного значения после «последнего звонка» в 1960 году. Нас, нескольких ребят из 7-го «Б», уполномочили заняться подготовкой красок в актовом зале с последующей покраской стен этого зала.

Как водится, мы к работе приступили с огоньком. Закрыли на палку двери и закурив, стали играть в картишки. Через непродолжительный отрезок веселого времени, в дверь стал ломиться завхоз, нецензурно при этом негодуя.

Актальный зал, располагался на первом, но высоком этаже, что не помешало осторожным и, будем говорить, дальновидным дружкам, «сделать

ноги». Ну, а я любил экстрим. Открыл нагло дверь... и впустил, зашедшегося от ярости и уже просто хрипевшего, завхоза. Так бывает, когда собаке от дикой свирепости пережимает судорогой глотку.

Ну было маленько накурено, окна-то все настезь, ну шумели мы при игре, может даже не культурно... Но зачем же мальчишечку за ухо по всем коридорам, благо — народу никого, и — к директору???

— «Вывернуть карманы!» — Это директор громовым специальным толстым голосом — «так, ... пачка сигарет неполная, спички, карты — колода не новая, перочинный ножик».

— «там же горючие материалы!» — продолжал греметь директор.

— «там же растворители и огнеопасные вещества, а ты курил!» Что-то стал повторяться. Об остальных участниках «оргии» — ни слова. Так надо, понял я. Смекалистый я и был и есть

— «там же мог пожар возникнуть!!!» — Интересно кому это он все? Репетирует, скорей всего, для педсовета и для моей мамочки-святомученицы.

— «Завтра же, что бы мать в школе была!!!»

Не буду усугублять воспоминания подробностями. Заплаканная мама принесла домой аттестат за семь классов, села за стол и, опустив

голову в ладони, сообщила по обычаю своему совсем не радостно: — «Горе, ты мое Горе, пойдешь работать...».

Закончилось отрочество. Ничего я в этой расхристанной эпопее не смогу и, главное, не хочу прилизывать и выравнивать. Что мое — то наше!

Глава 3. Пролетарий

Назвать следующий этап моей судьбы юностью, было бы нахальной натяжкой. В шестнадцать лет нынешние молодые люди называются «тинэйджеры». В те времена этого термина-понятия не было, а подростком, строго говоря, я уже считаться никак не мог. Человек, зарабатывающий деньги честным трудом, это вам не придурок-токсикоман из 90-тых. Вполне законный пролетарий.

Угадать куда я пошел работать, труда ни у кого не составит. Естественно киномехаником. Точнее, учеником киномеханика в кинотеатр им. Чкалова. Кинотеатр располагался в одноименном парке (ныне Глобы), аншлагов здесь никогда не бывало так как фильмы шли, так называемым, вторым и третьим экраном, а то и вообще из далекого далека — типа «Чапаева».

Запомнился там киномеханик-технорук дядя Яша, пожилой — лет под пятьдесят, который и

натаскал меня на основные тонкости и премудрости киношного демонстрирования.

После сдачи экзамена на права помощника киномеханика, меня перевели в кинотеатр «Червоногвардієць», что на углу Пушкина и Философской. Именно здесь, в гуще кинопрокатной системы, я честно оттрубил почти четыре года, сначала помощником, а затем и киномехаником второй категории.

Кинотеатр был на два зала — практиковалось такое в те годы, ради повышения доходов государства от зрительской активности. Соответственно и штат работников был почти в два раза больше. Мне это дело нравилась, с коллективом я быстро сработался и сдружился. Ребята и девчонки здесь были нормальные — мой юмористический склад ума воспринимался на ура.

Как-то нарисовался у нас незнакомый штымп в галстуке и с помощью администрации собрал всю молодежь в фойе. Оказался инструктором райкома комсомола и еще оказалось, что у нас в кинотеатре нет комсомольской организации!

«Это ЧП — товарищи! Это, можно сказать, подрыв социалистического строя!!!» — расходился в идеологическом транс негодования инструктор.

И тут мое неуправляемое Эго, не выдержав пустого трепа, выдало словами из модной тогда песни-кричалки: «Если партия прикажет, комсомол

ответит — есть!», но партия не приказала, и комсомола в «Красногвардейце» нет».

Опрокинув стул, вскочил наш администратор, он же парторг: «Минуточку, товарищ Рябинин, что это за выражение!!! Вы неправильно ставите вопрос по существу и разводите здесь, понимаете, чистую демагогию!!! Вы пришли в наш коллектив месяц назад, а уже пытаетесь оголтелым критиканством подорвать авторитет нашей партийной организации!!!»

Короче, вся эта, привычная до тошноты, «канонизированная» трескотня, яростное, с брызгами изо рта, агрессивное нападение для собственной защиты, не располагало к диалогу. Я понял и заткнулся.

Выручил штымп в галстуке. Он, очевидно, сам смекнул, что так или иначе, а коммунисты наши да и сам Райком комсомола прошляпили этот вопрос, поэтому плавно, гася страсти, объявил о своих полномочиях для организации комсомольской ячейки в нашем кинотеатре и о выдвижении товарища Рябинина (шустро так сориентировался) на пост комсорга данной ячейки. Вот и еще один щелбан по носу — не вылезай! Получи нагрузку!

Проголосовали, опасливо поглядывая на меня, единогласно и даже парторг. В последствии я обнаружил, что под комсомольский возраст из всей

молодежи подпадает всего пять человек. Вместе с комсоргом.

Этот мой неординарный для пацана политический «демарш», потом никто не вспоминал. Забыли, думаю, из-за мамочки в вышестоящей инстанции.

Среди повседневных забот, двухсменной работы, смеха, мелких интриг и совместного досуга со святыми оттяжками в получку и аванс — этот комсомольский казус я запомнил из-за последующей забавной и поучительной истории, характеризующей передовые ряды молодежи и, подозреваю сейчас, даже наших «фулевых» товарищей.

Созвал Райком как-то всех комсоргов на семинар, приуроченный, как всегда, к какой-то выдающейся дате, типа — «Свободу Анджеле Девис!!!». Неделю мы с отрывом от работы сидели в зале и на коленках полный рабочий день конспектировали очевидный бред.

В субботу нас вытащили на субботник — обычную стройку обычного жилого дома, а может и не обычного. На месте выдали новые рукавички. Необходимо было зарядить сколько-то поддонов кирпичом под кран, для дальнейшего подъема их. Справились задорно и весело, как и подобает молодым строителям Коммунизма, до обеда.

А теперь, товарищи, — многозначительно

молвил первый районный секретарь — нас ждет еще одно ответственное дело — нам предстоит поучаствовать в открытии нового молодежного кафе «Буратино»!!!

Напомню, это было время хрущевской оттепели и оголтелого либерализма. Кафе, типа этого «Буратино», открывались повсеместно, а молодежь вела себя нагло и раскрепощено.

Для нас был накрыт стол в отдельном зале. Так как это было кафе, а не ресторан, то все закуски и прочая еда были выставлены одновременно. Под стеночкой, сурово задрапированные, угадывались ящики с пойлом.

Торжественный первый тост был традиционно затяжной и зевотный (рюмка не микрофон), со «славой КПСС» и прочими пафосными залепухами.

И вот дана отмашка комсомольского главара к началу неформальных действий. Истомившиеся комсомольские бойцы, сдержанно передавали друг другу тарелочки и подставляли рюмочки: сю-сю-ля-ля..., не угодно ли Вам..., будьте добры..., позвольте...

Жахнув по первой, зарылись с головой в колбасно-салатный праздник и, не выдыхая, перерывчик не большой, оприходовав по второй — выдохнули и одухотворенно стали осматривать закуску, ликероводочный ассортимент, а также друг друга.